

Василий Осипович Ключевский

Петр III

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Петр III

Серия «Исторические портреты»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176696
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

Аннотация

«Не оплакало ее только одно лицо, потому что было не русское и не умело плакать: это – назначенный ею самой наследник престола – самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Этот наследник, сын старшей Елизаветиной сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский, известен в нашей истории под именем Петра III...»

**Василий Осипович
Ключевский
Петр III**

Г.-Х. Гроот. Император Петр III

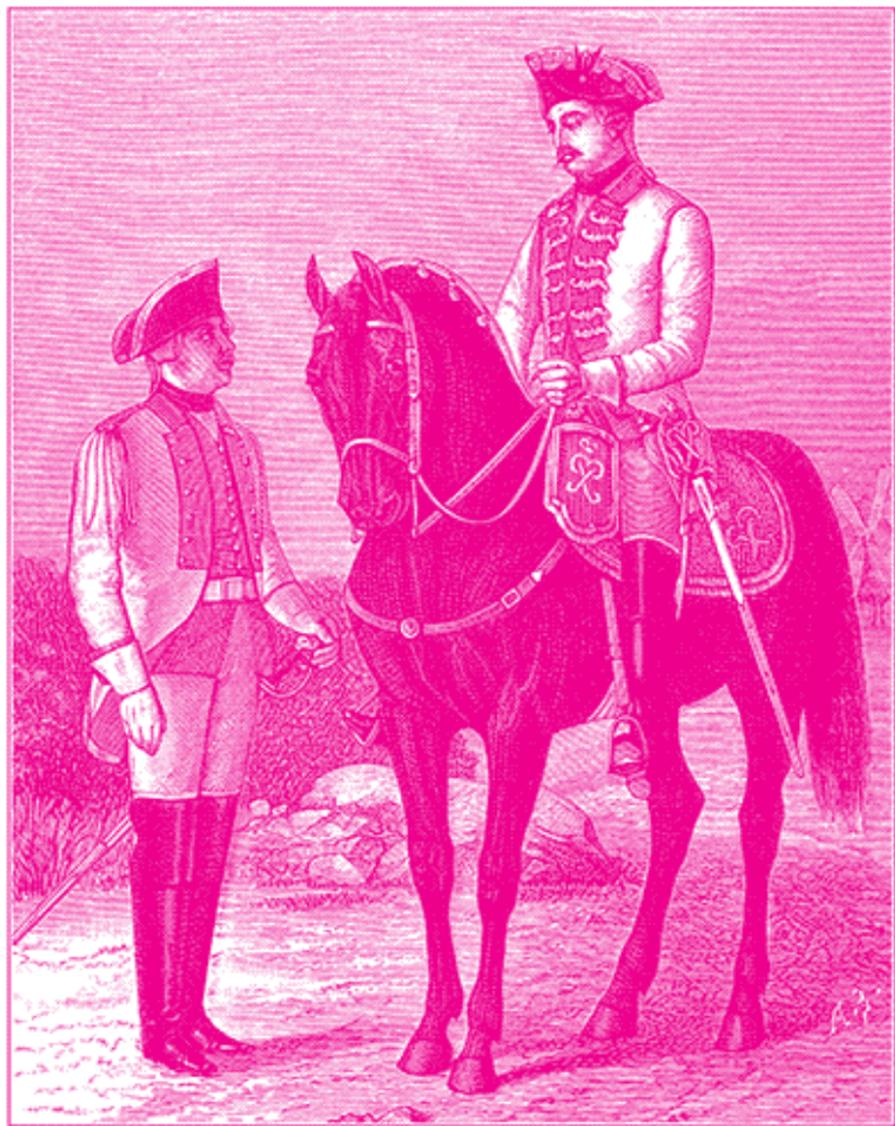
Не оплакало ее только одно лицо, потому что было не русское и не умело плакать: это – назначенный ею самой наследник престола – самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Этот наследник, сын старшей Елизаветиной сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский, известен в нашей истории под именем Петра III.

По странной игре случая в лице этого принца совершилось заgrabное примирение двух величайших соперников начала XVIII в. Петр III был сын дочери Петра I и внук сестры Карла XII. Вследствие этого владельцу маленького герцогства Голштинского грозила серьезная опасность стать наследником двух крупных престолов, шведского и русского. Сначала его готовили к первому и заставляли учить лютеранский катехизис, шведский язык и латинскую грамматику. Но Елизавета, вступив на русский престол и желая обеспечить его за линией своего отца, командировала майора Корфа с поручением, во что бы ни стало взять ее племянника из Киля и доставить в Петербург. Здесь голштинского герцога Карла-Петра-Ульриха преобразили в великого князя Петра Федоровича и заставили изучать русский язык и православный катехизис. Но природа не была к нему так благосклонна, как судьба: вероятный наследник двух чужих и больших престолов, он по своим способностям не годился и для своего собственного маленького трона.

Он родился и рос хилым ребенком, скудно наделенным способностями. В чем не догадалась отказать неблагосклонная природа, то сумела отнять у него нелепая голштинская педагогика. Рано став круглым сиротой, Петр, в Голштинии, получил никуда негодное воспитание под руководством невежественного придворного, который грубо обращался с ним, подвергал унижительным и вредным для здоровья наказаниям, даже сек принца. Унижаемый и стесняемый во всем, он усвоил себе дурные вкусы и привычки, стал раздражителен, вздорен, упрям и фальшив, приобрел печальную склонность лгать, с простодушным увлечением веруя в свои собственные вымыслы, а в России приучился еще напиваться. В Голштинии его так плохо учили, что в Россию он приехал 14-летним круглым неучем и даже императрицу Елизавету поразил своим невежеством.

Быстрая смена обстоятельств и программ воспитания вконец сбила с толку и без того некрепкую его голову. Принужденный учиться то тому, то другому без связи и порядка, Петр кончил тем, что не научился ничему, а несходство голштинской и русской обстановки, бессмыслие кильских и петербургских впечатлений совсем отучили его понимать окружающее. Развитие его остановилось раньше его роста; в лета мужества он оставался тем же, чем был в детстве, вырос, не созрев. Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к

детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком. Уже будучи женат, в России, он не мог расстаться со своими любимыми куклами, за которыми его не раз заставляли придворные посетители.

Форма голштинских войск при Петре III

Сосед Пруссии по наследственному владению, он увлекался военной славой и стратегическим гением Фридриха II. Но так как в его миниатюрном уме всякий крупный идеал мог поместиться, только разбившись на игрушечные мелочи, то это воинственное увлечение повело Петра только к забавному пародированию прусского героя, к простой игре в солдатики. Он не знал и не хотел знать русской армии. И так как для него были слишком велики настоящие, живые солдаты, то он велел наделать себе солдатиков восковых, свинцовых и деревянных и расставлял их в своем кабинете на столах с такими приспособлениями, что если дернуть за протянутые по столам шнурки, то раздавались звуки, которые казались Петру похожими на беглый ружейный огонь. Бывало, в табельный день он соберет свою дворню, наденет нарядный генеральский мундир и произведет парадный смотр своим игрушечным войскам, дергая за шнурки и с наслаждением вслушиваясь в батальные звуки. Раз Екатерина, вошедшая к мужу, была поражена представившимся ей зрелищем. На веревке, протянутой с потолка, висела большая крыса. На вопрос Екатерины, что это значит, Петр сказал, что крыса совершила уголовное преступление, жесточайше наказуемое по военным законам: она забралась на картонную крепость, стоявшую на столе, и съела двух часовых из крахмала. Преступницу поймали, предали военно-полевому суду и приговорили к смертной казни через повешение. Елизавета при-

ходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огорчения, гнева и даже отвращения. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, императрица заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника. С ее набожного языка срывались совсем не набожные отзывы о нем: «проклятый племянник», «племянник мой урод, черт его возьми!» Так рассказывает Екатерина в своих записках. По ее словам, при дворе считали вероятным, что Елизавета в конце жизни согласилась бы, если бы ей предложили выслать племянника из России, назначив наследником его 6-летнего сына Павла. Но ее фавориты, задумывавшие такой шаг, не отважились на него и, перевернувшись по-придворному, принялись заискивать милости у будущего императора.

Не подозревая миновавшей беды, напутствуемый злоещими отзывами тетки, этот человек наизнанку, у которого спутались понятия добра и зла, вступил на русский престол. Он и здесь сохранил всю узость и мелочность мыслей и интересов, в которых был воспитан и вырос. Ум его, голштински тесный, никак не мог расшириться в географическую меру нечаянно доставшейся ему беспредельной империи. Напротив, на русском престоле Петр стал еще более голштинцем, чем был дома. В нем с особенной силой заговорило качество, которым скупая для него природа наделила его с беспощадной щедростью: это была трусость, соединявшаяся с легкомысленной беспечностью.

Он боялся всего в России, называл ее проклятой страной. Он сам выражал убеждение, что в ней ему непременно придется погибнуть, но нисколько не старался освоиться и сблизиться с ней, ничего не узнал в ней и всего чуждался. Она пугала его, как пугаются дети, оставшиеся одни в обширной пустой комнате. Руководимый своими вкусами и страхами, он окружил себя обществом, какого не видали даже при Петре I, столь неразборчивым в этом отношении, создал себе собственный мирок, в котором и старался укрыться от страшной ему России. Он завел особую голштинскую гвардию из всякого международного сброда, но только не из русских своих подданных: то были большею частию сержанты и капралы прусской армии, «сволочь, – по выражению княгини Дашковой, – состоявшая из сыновей немецких сапожников».

Считая для себя образцом армию Фридриха II, Петр старался усвоить себе манеры и привычки прусского солдата, начал выкуривать непомерное количество табаку и выпивать непосильное множество бутылок пива, думая, что без этого нельзя стать «настоящим бравым офицером». Вступив на престол, Петр редко доживал до вечера трезвым и садился за стол обыкновенно навеселе. Каждый день происходили пирушки в этом голштинском обществе, к которому по временам присоединялись блуждающие кометы – заезжие певицы и актрисы. В этой компании император, по свидетельству Болотова, близко его выдавшего, говаривал «такой вздор и та-

кие нескладицы», что сердце обливалось кровью у верноподданных от стыда пред иностранными министрами. То вдруг начнет он развивать невозможные преобразовательные планы, то с эпическим воодушевлением примется рассказывать о небывало победоносном своем походе на цыганский табор под Килем, то просто разболтает какую-нибудь важную дипломатическую тайну. На беду, император чувствовал влечение к игре на скрипке, считая себя совершенно серьезно виртуозом, и подозревал в себе большой комический талант, потому что довольно ловко выделявал разные смешные гримасы, передразнивал священников в церкви и нарочно заменил при дворе старинный русский поклон французским приседанием, чтобы потом представлять неловкие книксены пожилых придворных дам. Одна умная дама, которую он забавлял своими гримасами, отозвалась о нем, что он совсем непохож на государя.

В его царствование было издано несколько важных и дельных указов, каковы были, например, указы об упразднении Тайной канцелярии, о позволении бежавшим за границу раскольникам воротиться в Россию с запрещением преследовать за раскол. Эти указы внушены были не отвлеченными началами веротерпимости или ограждения личности от доносов, а практическими расчетами людей, близких к Петру, – Воронцовых, Шуваловых и других, которые, спасая свое положение, хотели царскими милостями упрочить популярность императора. Из таких же соображений вышел и

указ о вольности дворянства. Но сам Петр мало заботился о своем положении и скоро успел вызвать своим образом действий единодушный ропот в обществе.

Он как будто нарочно старался вооружить против себя все классы, и, прежде всего, духовенство. Он не скрывал, напротив, задорно щеголял своим пренебрежением к церковным православным обрядам, публично дразнил русское религиозное чувство, в придворной церкви во время богослужения принимал послов, ходя взад и вперед, точно у себя в кабинете, громко разговаривал, высовывал язык священнослужителям, раз на Троицын день, когда все опустились на колени, с громким смехом вышел из церкви. Новгородскому архиепископу Димитрию Сеченову, первоприсутствующему в Синоде, дан был приказ «очистить русские церкви», т. е. оставить в них только иконы Спасителя и Божией Матери и вынести остальные, русским священникам обрить бороды и одеваться, как лютеранские пасторы. Исполнением этих приказов повременили, но духовенство и общество всполошились: люторы надвигаются! Особенно раздражено было черное духовенство за предпринятую Петром III секуляризацию церковных недвижимых имуществ. Управлявшая ими Коллегия экономии, прежде подведомственная Синоду, теперь поставлена была в прямую зависимость от Сената. Ей предписано было отдать крестьянам все церковные земли и с теми, какие они пахали на монастыри и архиереев. А из собираемых с церковных вотчин доходов назначить на содержание цер-

ковных учреждений ограниченные штатные оклады. Эту меру Петр не успел привести в исполнение; но впечатление было произведено. Гораздо опаснее было раздражение гвардии, этой щекотливой и самоуверенной части русского общества. С самого вступления на престол Петр старался всячески рекламировать свое безграничное поклонение Фридриху II. Он при всех набожно целовал бюст короля, во время одного парадного обеда во дворце при всех стал на колени перед его портретом.

Тотчас по воцарении он облекся в прусский мундир и носил чаще прусский орден. Пестрый и антично узенький прусский мундир был введен и в русской гвардии, заменив собой старый просторный темно-зеленый кафтан, данный ей Петром I. Считая себя военным подмастерьем Фридриха, Петр III старался ввести строжайшую дисциплину и в немного распущенных русских войсках. Каждый день происходили экзерциции. Ни ранг, ни возраст не освобождали от маршировки. Сановные люди, давно не выдавшие плаца да к тому же успевшие заpastись подагрой, должны были подвергнуться военно-балетной муштровке прусских офицеров и проделывать все военные артикулы. Фельдмаршал, бывший генерал-прокурор Сената, старик князь Никита Трубецкой, по своему званию подполковника гвардии, должен был являться на учение и маршировать вместе с солдатами. Современники не могли надивиться, как времена переменились, как, по выражению Болотова, «ныне больные и небольшие и ста-

рички самые поднимают ножки и наряду с молодыми маршируют и так же хорошононько топчут и месят грязь, как и солдаты». Что было всего обиднее – сбродной голштинской гвардии Петр отдавал во всем предпочтение перед русской, называя последнюю янычарами. А в русской внешней политике хозяйничал прусский посланник, всем распоряжавшийся при дворе Петра.

Прусский вестовщик до воцарения, пересылавший Фридриху II в Семилетнюю войну сведения о русской армии, Петр на русском престоле стал верноподданным прусским министром. Перед возмущенным чувством оскорбленного национального достоинства опять восстал ненавистный призрак второй бироновщины, и это чувство подогревалось еще боязнью, что русская гвардия будет раскассирована по армейским полкам, чем ей грозил уже Бирон. К тому же все общество чувствовало в действиях правительства шатость и каприз, отсутствие единства мысли и определенного направления. Всем было очевидно расстройство правительственного механизма. Все это вызвало дружный ропот, который из высших сфер переливался вниз и становился всенародным. Языки развязались, как бы не чувствуя страха полицейского; на улицах открыто и громко выражали недовольство, без всякого опасения порицая государя. Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту.

Форма голштинских войск при Петре III